

Осколок Империи

Макс Глебов

Призрак победы

«Автор»

2019

Глебов М. А.

Призрак победы / М. А. Глебов — «Автор», 2019 — (Осколок Империи)

ISBN 978-5-519-73151-5

Люди так и не смогли выяснить, откуда пришел враг, одновременно напавший на Империю и ее соседей - джангров. Удар оказался столь мощным, что отразить его можно было только объединившись, но джангры не захотели союза с людьми, и война обернулась катастрофой. Государство джангров перестало существовать, а человечество выстояло, но лишь ценой потери Метрополии и гибели императора. Утрачены многие знания и технологии, Империя стремительно распадается, и кажется, что ничто более не сможет сделать человечество вновь единым. Лейтенант Илья Чехов - один из немногих выживших офицеров императорской армии, практически полностью уничтоженной в решающем сражении. Как и другие ветераны, оказавшиеся никому не нужными после окончания войны, он пытается выжить в погружающемся в хаос мире, но неожиданно получает зыбкий призрачный шанс возродить Империю и предотвратить уже практически неизбежную гибель человечества.

Бот падал на дневную сторону Адрианы-2, окутавшись облаком плазмы. Из тридцати транспортов нашего десантного корпуса до планеты добрались только девять, остальные сейчас разлетались облаками обломков на высоких орбитах. Чего этот прорыв стоил прикрывавшим нас эсминцам и крейсерам, я даже боюсь представить, но когда речь идет о спасении императора, с потерями считается не принято.

В ближнем космосе непосредственно над императорской резиденцией еще держалась последняя орбитальная крепость, но атакующая эскадра Роя настолько плотно связала ее боем, что помочь нашему прорыву крепость ничем не могла. В результате вся нагрузка по отражению ударов эсминцев и торпедоносцев противника легла на немногочисленные силы эскорта, которые флот смог наскрести для нашего корпуса. Итог оказался закономерен – две трети десантных кораблей погибли, даже не успев выпустить боты.

Но мой взвод пока был цел, как и почти весь наш десантно-штурмовой батальон. Командир транспорта, доставившего нас до границы атмосферы, трезво оценивал свои шансы сохранить почти безоружный корабль и жизни экипажа, оставаясь на низкой орбите Адрианы-2, где повсюду кипел бой. Поэтому, не дожидаясь приказа, он повел свой транспорт на посадку прямо вслед за нашими ботами. Очень спорный маневр. Сажать десантный корабль в гуще наземного сражения тактическими наставлениями, мягко говоря, не рекомендовалось, но другого выхода капитан второго ранга Семенов просто не видел и принял, как оказалось, единственно верное решение. Что ж, спасибо ему за то, что хоть кто-то из нашего батальона остался жив.

Я тряхнул головой, отгоняя воспоминания, и постарался сосредоточиться на текущей задаче. Неширокий наклонный штрек делал плавный изгиб и уводил меня куда-то вниз на более глубокие горизонты выработки. Наверное, за последние лет сто я первый человек, оставивший следы в тонком слое пыли этих подземных коридоров. Яркие лучи наплечных фонарей скафандра освещали картину заброшенности и запустения. Интересно, откуда здесь пыль?

Тетралит перестали добывать шахтным способом чуть меньше века назад, когда умники из Императорской академии наконец-то изобрели способ синтеза тетрала с использованием более доступных видов сырья. Вот только где она сейчас, Императорская академия, вместе с головастыми ребятами, решившими когда-то эту проблему и сделавшими дальний космос доступным для всего человечества? Нет ее, как нет и тех ученых, и того оборудования, да и самой столичной планеты тоже больше нет, если, конечно, не считать за таковую обугленный каменный шар, выжженный ядерным огнем.

Нашему батальону поставили вспомогательную задачу, хотя в той каше, что творилась на поверхности Адрианы-2, все настолько смешалось, что точно сказать, какое направление было главным, не смог бы никто. Крупное соединение наземных сил Роя стремилось подобраться к позиционному району ракетных батарей противокосмической обороны. Зенитчики поддерживали огнем орбитальную крепость и надежно защищали ее от атак вдоль границы атмосферы. Сковырнуть ракетчиков орбитальным ударом флот Роя не мог – мешала крепость. Атаки атмосферной авиации тоже не увенчались успехом по причине высокой насыщенности позиционного района средствами ПВО, и вот теперь Рой предпринял наземную атаку, а мы должны были помешать ему, пополнив изрядно поредевший пехотный полк, усиленный дивизионом тяжелых роботов, от которого, правда, тоже уже мало что осталось.

Удар по Метрополии оказался для императорской армии и флота полной неожиданностью. По данным разведки выходило, что противник не имеет достаточных сил для такой операции. То ли кто-то что-то не учел, то ли Рой поставил на карту все силы, которые смог наскрести, но удар получился столь мощным, что сразу стало очевидно – силам обороны Метрополии его не отразить. Тем не менее, флот и армия стояли насмерть. Сразу после начала атаки в колонии по гиперсвязи ушел приказ императора об отправке срочной помощи для деблокирования Метрополии. Все колонии приказ выполнили, и сейчас их объединенный флот был всего в нескольких прыжках от Адрианы, но сил держаться у защитников Метрополии

уже практически не осталось. Первая и третья планеты прекратили сопротивление больше восьми часов назад, и сейчас Рой сосредоточенно обрабатывал их с орбиты термоядерными бомбами. Пока действовали подавители высокоэнергетических процессов, применение этого оружия было невозможно, но десант противника прорвался к шахтам подавителей и уничтожил их. Теперь планеты ничто не защищало, и Рой уничтожал все то лучшее, что столетиями аккумулировало человечество на планетах Метрополии.

Адриана-2 еще держалась, и мы, ее последние защитники, внушали себе, что надежда еще есть. Шахта последнего уцелевшего подавителя находилась прямо под императорским дворцом, так что пока Рой не прорвался туда, ядерный удар нам не грозил. А вот вся территория планеты за пределами двух тысяч километров от дворца уже содрогалась от термоядерных взрывов – Рой методично выжигал на ней все живое.

Точка высадки находилась на территории, контролируемой нашими войсками, так что огня с поверхности на последнем отрезке траектории можно было не опасаться, но от атак вражеской авиации нас никто защитить не мог. Командир батальона майор Чанг орал на пилотов, чтобы они как можно быстрее тянули свои машины к зоне действия наших наземных средств ПВО, но воплями мощности двигателям не прибавишь, и то слева, то справа от меня постоянно вспыхивали огненные шары гибнущих десантных ботов, а потом замолчал и майор. Мы отстреливали противоракетные ловушки, выпускали имитаторы, ставили помехи и даже сформировали некое подобие боевого строя, в котором боты могли хоть как-то прикрывать друг друга своими автоматическими пушками, но все это, по большому счету, являлось просто жестом отчаяния. По-хорошему, нас должны были защищать атмосферные истребители, выпускаемые в атмосферу одновременно с машинами десанта. Но эскортный авианосец погиб еще на подходе к планете, и истребителей не было...

Я часто вспоминал этот бой, особенно в подобные моменты, когда монотонное движение располагало к посторонним мыслям. Еще чаще он мне снился. Как мы выжили тогда? Сам я этого уже не видел. Меня ранило через пару часов после высадки, во время отражения очередной атаки Роя. Парни буквально вырезали мою полуразрушенную бронекапсулу из останков покореженного и обгоревшего «Крокодила». Близкий взрыв трехсотмиллиметровой боеголовки легкий десантный робот выдержать не мог по определению. А дальше я уже ничего не помнил. Немногие выжившие из нашего батальона рассказали мне, что когда Рой все-таки свалил орбитальную крепость и выжег императорский дворец ударом с орбиты, капитан Семенов вывез на своем транспорте прямо из-под носа у наступающих роботов Роя всех, кто чудом уцелел при обороне батареи. Взлетающий транспорт был бы непременно сбит, но к тому моменту на низкие орбиты уже прорвался флот колоний, и его крейсера прикрыли огнем набирающий высоту десантный корабль. Очнулся я на госпитальном судне сводного колониального флота, когда с кораблями Роя уже было покончено. Люди одержали решающую победу в этой войне ценой гибели Метрополии и практически всех имперских сил во главе с самим императором Константином. Да, у нас остались эскадры отдельных звездных систем, объединенные в сводный флот колоний, остались сами колонии, но это уже была не Империя.

Я продолжал спускаться все ниже. Слабая гравитация астероида сильно мешала, но я надеялся, что схема тоннелей, вытасченная за небольшую мзду из старой базы данных мелким чиновником архивной службы, не окажется полной липой, и я благополучно дойду до законсервированного пункта управления гравикорректором. Этот аппарат вмонтировали в скальную толщу астероида сразу, как только корпорация «Тетрал-дальний» приступила к работам. Много позже, когда шахту закрыли, демонтировать оборудование никто не стал. Его выключили, законсервировали и бросили здесь. Да, прошло сто с хвостиком лет, но что будет этому надежному, как кирпич, аппарату, рассчитанному на многие десятилетия непрерывной работы?

– Илья, что у тебя? – раздался в наушниках шлема голос моего напарника и заодно второго пилота нашего, с позволения сказать, корабля. Хотя, не будем обижать старичка, свое дело по доставке нас в эту забытую богом дыру он выполнил честно, хоть и не без сюрпризов. А что взять с малого войскового транспорта, не раз битого ракетами и снарядами Роя, латанного-перелатанного и, наконец, списанного вчистую сразу, как только война закончилась тем, что у нас называют победой.

– Иду. Тихо и пусто. Спускаюсь потихоньку. Если верить схеме, аппаратная будет на следующем горизонте.

– Ты ретрансляторы не забывай ставить почаще. У меня картинка совсем пропала и голос твой с заиканиями идет. Этот булыжник – сплошная смесь железа и никеля, а они очень неплохо глушат сигнал.

– Понял. Буду чаще кидать, – ответил я, закрепляя на стене очередной небольшой прибор, – слушай, Олег, а ведь я тебя слышу отлично. Странные тут помехи какие-то...

– Стой на месте, – голос Олега дрогнул, и я тут же замер, медленно опустив поднятую для следующего шага ногу. Хорошая привычка, намертво вбитая в подкорку за четыре года войны.

– Что случилось? – спросил я негромко, хотя кто мог меня услышать сквозь шлем скафандра в безвоздушном пространстве?

– Немедленно возвращайся, мы здесь не одни. Помехи, похоже, наведенные. Это я лопухнулся, надо было сразу их профиль проверить, а я все списывал на высокое содержание металлов в породе. Расслабился за последний год...

– Иду.

Я, как мог быстро, двинулся обратно вверх, аккуратно собирая в сумку ретрансляторы. Раньше и не задумался бы об этом, приборы-то копеечные, но сейчас времена изменились, да и оставлять в штреке следы своего присутствия мне после слов Олега как-то расхотелось.

В наушниках раздался пульсирующий треск помех, действительно очень похожих на работу глушилки, вот только не могло ее здесь быть, по крайней мере, такой. Я эти помехи узнаю, хоть разбуди меня ночью после трех суток без сна. Наслушался за четыре года.

– Олег, меня слышно? – обеспокоенно бросил я в микрофон.

В ответ сквозь то усиливающиеся, то спадающие завывания и треск раздалось только невнятное бухтение.

– Если слышишь, активируй Арнольда и запускай его мне навстречу. Я слышу глушилку Роя. Не знаю, откуда она здесь, но мы, похоже, вляпались по самое некуда.

Арнольдом мы прозвали списанного абордажного робота, такого же старого и битого, как наш корабль. Эхо войны.

По пути вниз я миновал полтора десятка боковых ответвлений. На их разведку не было ни времени, ни желания. На схеме они обозначались, как тупиковые и интереса для нас с Олегом не представляли. На этом космическом булыжнике нам было нужно только законсервированное оборудование корпорации. Гравикорректор мы, конечно, упереть отсюда не смогли бы, не по нашим зубам эта махина, но и помимо него здесь должно было остаться еще много вкусного, что можно было продать на черном аукционе где-нибудь на полупиратской пустотной станции. Мы рассчитывали запустить часть оборудования жизнеобеспечения выработки и провести здесь в относительном комфорте пару-тройку недель, неспешно демонтируя и перетаскивая в трюм корабля наиболее интересные с точки зрения продажи устройства. Скажи мне кто лет пять назад, что я, лейтенант-десантник императорской армии, буду зарабатывать себе на жизнь таким способом, дал бы, наверное, такому шутнику в морду без особых раздумий. Только нет ее больше, императорской армии, как не осталось и самой Империи.

Треск и завывание в наушниках усилились, и почти сразу из одного из боковых проходов метрах в пятидесяти от меня выскочил технический дрон Роя. Как в моих руках оказалась винтовка, я даже не успел понять. Вроде бы только что висела в фиксаторах за спиной, а

нет, уже в руках и выщеливает вражеский механизм. Но сенсор огня я активировать не стал. Моя жаба за послевоенный год выросла из крохотного головастика в матерое откормленное животное и мерзко квакала по поводу любого разбазаривания ценного имущества, а техдрон к таковой категории относился со всей однозначностью. Правда, совсем уж безоружным он не был, хоть с боевым роботом сравниться, конечно, и не мог.

Техдроны обычно в атаку не ходят, не их это дело, но какие алгоритмы поведения Рой зашивает в их вычислители, никто так толком понять и не смог. Во всяком случае, одинаковые на вид экземпляры беспилотной техники Роя зачастую вели себя по-разному, используя, похоже, не только жестко прописанные в них программы, но и элементы собственного опыта, накопленного за время эксплуатации в конкретных условиях.

Высочивший на меня дрон имел, по-видимому, весьма специфический опыт. Вместо того чтобы рвануть обратно за поворот, он прыгнул ко мне. Оружия дальнего боя у него не имелось, но плазменный резак тоже штука крайне неприятная, особенно с учетом того, что экипировка у меня совсем не боевая. Тут уж пришлось жабе подвинуться и уступить место инстинктам лейтенанта-десантника. Впрочем, не совсем. Два одиночных выстрела снесли дрону переднюю пару из пяти трехчленных конечностей. Противник остановился и попятился. Бегать на трех ногах он не мог, максимум, медленно и неуклюже ковылять. Я выдал нашлемной системе целеуказание и позволил ей взять под контроль сервоприводы скафандра, после чего тщательно наведенная компьютером винтовка аккуратно снесла противнику плазменный резак. Ну все, парень, теперь ты наш. Не знаю, кому и зачем нужны твои потроха, но на аукционе за тебя дадут неплохие деньги.

– Олег, как связь? – спросил я сквозь вой помех. Ответа ожидаемо не последовало. Вместо него я почувствовал легкий толчок в ноги, а через секунду еще один.

Вот это было уже действительно неприятно. Кто-то на поверхности астероида вел бой с применением вполне серьезных калибров, и, кажется, я догадывался, кто именно, по крайней мере, с одной из сторон. Снеся роботу еще одну конечность, чтоб не укувылял, куда не следует, я со всей возможной прытью поскакал к выходу на поверхность. Техдроны попадались мне навстречу еще дважды. Что они здесь делали и почему тихо сидели по своим норам, пока я спускался вниз, осталось мне непонятным, но разбираться времени не было, и я просто вцепился им по полновесной очереди, лишив, тем самым, нас с Олегом изрядной суммы, но в тот момент мне было как-то не до подсчета убытков.

Конечно, я опоздал. К моменту моего появления все уже закончилось. Как-то резко исчезли помехи, и я услышал голос Олега в наушниках шлема:

– Все, Ильюха, приплыли мы с тобой.

– Что это было?

– Штурмовой робот Роя и три сателлита.

– Почему мы еще живы?

– Кто-то их очень хорошо приласкал задолго до нас, наверное, еще во время войны. Потому и сателлитов только трое осталось.

– Что с кораблем?

– Двигательного отсека считай, нет, прямое попадание ракеты. Ну и одну из пушек вынесли нам под корень, хотя какая теперь разница? Здесь стрелять уже не в кого, а улететь мы никуда теперь точно не сможем.

Ситуация выглядела хреновей некуда. Никто о нашей экспедиции не знал, ибо деньги любят тишину, и мы не трепались о цели нашего полета. Гиперпередатчик скончался вместе с двигателем, поскольку был его неотъемлемой частью и работал с ним в единой связке. В эту глушь никто в ближайшие годы, скорее всего, не заглянет. В общем, мы попали. На удивление, паники не было. Мы знали, на что шли. Да и годы войны с Роем приучили нас к тому, что каждый день может стать последним. Мы сидели в небольшой кают-компании транспорта и

молча пили чай. Мы оба знали, что нужно делать, но нам нужна была эта небольшая пауза, чтобы собраться с мыслями и начать жить в новых обстоятельствах.

– Арнольд тоже кончился? – вспомнил я про нашего абордажного робота.

– Не, живее всех живых. Я его успел только в конце выпустить. Он даже героически добил последнего сателлита.

– Ну, хоть что-то приятное, – я невесело усмехнулся.

– На наших запасах мы протянем пару месяцев, – хмуро произнес Олег, – Это если считать только ресурсы корабля и если та ракета ничего серьезного не повредила в системе жизнеобеспечения. Но есть еще эти катакомбы, где, судя по архивным данным, тоже кое-что сохранилось. Продукты и воду мы там вряд ли найдем, а вот с воздухом и энергией все может оказаться не так плохо.

– Там, в штреке, я встретил трех ремдронов Роя. Одному копытца поотшибал, а двоих пришлось наспиговать пулями, сюда торопился. Интересно, что они там делали?

– Не беспокойся, у нас будет масса времени облазать эту выработку вдоль и поперек, – «успокоил» меня Олег, – так что во всем успеем разобраться. Только в следующий раз без Арнольда туда лучше не соваться.

– Угу. И без боевых скафов тоже, – поддержал я напарника, – ладно, Олег, не стоит нам рассиживаться, безделье вредно для морально-психологического состояния личного состава. Давай решать, с чего начнем.

– Это ты хорошо сказал, про личный состав. У меня тоже что-то такое на языке крутилось. Иногда мне хочется забыть последний год, и я ловлю себя на мысли, что там, на войне, было куда лучше. Бред, конечно, но знаешь, мне все чаще кажется, что лучше поражение, чем такая победа.

– Не знаю даже, хотя мысли похожие и мне иногда приходят, но на месте джангров я, все же, не хотел бы оказаться. Вот они действительно проиграли навсегда, почти без шансов на возрождение цивилизации, а мы...

– И мы, Ильюха. И мы тоже. Не надо себя обманывать.

– Да я и не пытаюсь. Все, Олег, отставить пустой треп. Составь точный список поврежденных и доложи план ремонтных работ.

– Есть, командир, – улыбнулся мой напарник, хотя нет, наверное, все же не напарник, а снова сержант Олег Звонарев. Обманывать себя действительно не стоило. Все лучшее, что было с нами, осталось в том мире, где мы были лейтенантом и сержантом. Даже когда вокруг рвались снаряды и умирали наши товарищи, мы, по крайней мере, понимали, за что платим эту цену. Другое дело, что судьба все-таки ухитрилась нас обсчитать и подсунуть гнилой товар, но на то она и судьба.

* * *

– Олег, как вышло, что ты не узнал глушилку Роя? – спросил я, накладывая пластырь на очередную сквозную дыру в переборке, – Я думал, этот звук невозможно забыть.

– А я слышал не ее, командир, – ответил сержант, – это были другие помехи, не наши, и не Роя. Поэтому я сразу и не сориентировался. Насторожился я, только когда ты сказал, что хорошо меня слышишь.

– То есть на этом булыжнике был, а может и сейчас есть кто-то еще, кроме нас и уничтоженного тобой огрызка штурмовой когорты Роя?

– Думаю, именно был, а не есть, – чуть подумав, ответил Олег, – эти нестандартные помехи исчезли почти сразу, как появились роботы Роя.

– Джангры?

– Пока не увидим, не поймем. О технике джангров известно не так много, мы ведь с ними не воевали никогда, но и союзниками не были, если не считать буквально пару недель перед тем, как Рой уничтожил их последнюю колонию. Но мысль вполне здравая. Кто-то ведь положил шесть спутников Роя и неслабо покалечил штурмробота, а о боевых действиях в этой системе в наших архивах ничего нет, значит, мы здесь не воевали. Остаются джангры, если не впадать в совсем уж безумные гипотезы.

– Вот что, сержант, – снова назвал я Олега по званию, – давай-ка, прежде чем лезть в шахту, выведем на низкую орбиту пару малых зондов. Пусть сделают по сотне витков вокруг нашего астероида и хорошенько отсканируют поверхность. Чувствую я, сюрпризов эта каменика хранит еще очень немало. По уму это следовало сделать еще до посадки, но кто ж знал...

– Я же говорю, расслабились мы. Система уже сотню лет, как заброшена. Люди здесь не живут, боев с Роем, судя по архивам, в этом секторе космоса не было. Вот и решили сэкономить время, горячее и ресурс зондов. И доэкономились...

* * *

Ничего бы мы, наверное, не нашли, если бы специально не искали. Железо-никелевый астероид – это такая бяка, на которой обнаружить металлический предмет, не излучающий энергию, бывает не так и просто, особенно когда он присыпан пылью, поднятой давними взрывами и потом медленно осевшей на поверхность.

Завалившийся набок эвакуационный транспорт джангров с рваными пробоинами по всему корпусу лежал на дне не слишком купного, но глубокого кратера. Корабль был давно и окончательно мертв, поэтому сканеры не могли отличить его от окружающего ландшафта, а черная тень, отбрасываемая высокими стенками кратера, окончательно скрывала место трагедии.

Конечно, хорошие сканеры не пропустили бы место посадки и последующей гибели транспорта, но наши приборы к категории «хорошие», к сожалению, не относились, поэтому Олегу пришлось долго возиться с настройками диапазонов сканирования, чтобы по ряду косвенных признаков все-таки найти чужеродный объект на поверхности астероида.

Наверное, командир эвакуационного транспорта знал об идущем по его следу корабле Роя, и пытался спрятаться в этом кратере, но от сканеров боевого корабля такая примитивная уловка помочь не могла. Она и не помогла, а может, джангры просто решили, что в бою на поверхности у них будет больше шансов. В чем-то они оказались правы, хотя в итоге все равно проиграли, пусть и не с сухим счетом. Раз те машины Роя, что остались от штурмовой когорты после боя с джанграми, не эвакуировались с астероида, значит, улететь им оказалось не на чем. Вообще, странно, что преследованием транспорта занимался десантно-штурмовой корабль. Это не самый лучший выбор для такой задачи, что и подтвердил результат. После нескольких часов поиска мы обнаружили еще одну группу обломков. Корабль Роя тоже не пережил этого боя. Видимо, он пытался оказать десанту поддержку с низкой орбиты, но нарвался на ракету поверхность-космос, а может и не на одну.

– Не исключено, что остатки десанта Роя так и не зачистили до конца всю технику джангров, – высказал предположение Олег, – слишком мало у них осталось сил, чтобы сразу переловить всех разбежавшихся, а потом кто-то из выживших джангров спрятался и пытался дожидаться помощи, а кто-то из небоевых роботов просто затаился в каких-нибудь расщелинах.

– Похоже на правду, – согласился я с выводом сержанта, – это случилось года полтора назад, не раньше, иначе джангровский робот радиоэлектронной поддержки не попытался бы нам помочь, а тут в его программе мы, похоже, уже оказались прошиты в качестве союзников, и он решил вмешаться, ставя помехи роботам Роя. Эти-то помехи ты, видимо, и засек.

– Надо все тут как следует обшарить, командир, – в голосе Олега слышалась заинтересованность, – может кто-то уцелел, за кем-то ведь охотились те ремдроны в шахте, которых ты успокоил, пока бежал наверх.

– Да, вели они себя странно. Видимо, успели привыкнуть выслеживать почти безоружную добычу, вот и навалились сдуру. Но вряд ли мы найдем здесь живых джангров. Все-таки полтора года прошло, ну, может, чуть меньше... А вот роботы поддержки могли уцелеть, тут ты прав.

Легко сказать «хорошенько обшарить», но, как мы быстро убедились, выполнить эту задачу с нашими возможностями не так уж и просто. Наш транспорт летать не мог, а сырьевой астероид – штука немаленькая, хоть с планетой ему, конечно, и не сравниться. Даже с учетом низкой гравитации пешком добраться до корабля джангров мы могли не быстрее, чем часов за двадцать, что с учетом времени на возвращение и на поиски являлось, практически, пределом автономности наших скафандров.

В итоге, сами мы туда решили пока не ходить, а отправить на разведку Арнольда. Пусть работает – он железный, да и с автономностью у него явно лучше.

* * *

Вблизи транспорт джангров выглядел еще более мертвым, чем на снимках, доставленных зондами. Огромные дыры в обшивке явно были оставлены родными сестрами той ракеты, что уничтожила двигатель нашего корабля. Правда, размерами эвакуационный транспорт сильно превосходил нашего старичка, и у меня сохранялась тень надежды, что во внутренних отсеках что-то могло уцелеть.

Проникать в корабль противника через дыры в броне – прямая обязанность абордажного робота, поэтому Арнольд справился с этой задачей, даже не вспотев. Отсеки, прилежавшие к внешней обшивке, являли собой печальное зрелище рваного и перекрученного металла. Тел джангров пока не встречалось, возможно, потому, что внешние помещения были техническими. Как и ожидалось, по мере движения Арнольда внутрь транспорта повреждения уменьшались, и вскоре зона тотальных разрушений сменилась полуразрушенными коридорами, по которым робот уже мог двигаться чуть быстрее. Здесь же Арнольд обнаружил первого мертвого союзника. Джангр в легком скафандре лежал лицом вниз на пороге каюты, из которой, видимо, пытался выйти в момент, когда его настигла смерть. Робот аккуратно перевернул тело. Скафандр оказался пробит в нескольких местах крупнокалиберными пулями. Лицо гуманоида было скрыто затемненным стеклом, и я дал команду Арнольду поднять щиток шлема убитого.

Кожа джангра, покрытая мелкими чешуйками с медным отливом, блеснула в луче фонаря, закрепленного на плече Арнольда. В условиях космического холода тело сохранилось идеально, хоть и промерзло насквозь. Я так и не смог привыкнуть к виду джангров. Их лица чем-то неуловимо напоминали лица людей, но от этого становилось только хуже, поскольку все пропорции у них были совершенно нечеловеческими. Два огромных заледеневших глаза, лишенных век и посаженных почти вплотную друг к другу, сейчас мертво смотрели в потолок. Плоский, почти не выдающийся вперед нос напоминал шляпку гриба, покрытую чешуей. Узкий рот с очень тонкими губами тянулся от одного ушного отверстия до другого, а сами уши почти не имели раковин, чего сейчас видно не было – мешал рассмотреть шлем. Насколько я знал, половых различий у этой расы не имелось, джангры являлись гермафродитами. Волосы на их телах не росли, а руки и ноги джангров гнулись в трех суставах и оканчивались четырьмя длинными гибкими пальцами. Сейчас тело союзника лежало в абсолютно невозможной для человека позе, но это совершенно не значило, что его конечности или позвоночник повреждены. Смерть явно наступила не от травм, а от пулевых ранений.

Арнольд уходил все дальше в центральные отсеки эвакуационного транспорта. Корабли этого типа наши чешуйчатые союзники начали строить в последние полгода-год перед своим

окончательным поражением, и единственным их назначением был вывоз хотя бы части населения Меритократии Джангров с планет погибающего государства. Предполагалось, что уход в неисследованный космос будет осуществляться организованно, целыми флотилиями эвакуационных судов, и несколько таких экспедиций джанграм действительно удалось отправить в разных направлениях. Корабли ушли в серию линейных гиперпрыжков и согласно планам должны были находиться в пути около десяти лет. Джангры хотели уйти как можно дальше от области космоса, подвергшейся интервенции Роя. Судьба ушедших флотилий оставалась неизвестной. Возможно, в данный момент эвакуационные транспорты с погруженными в криосон колонистами находились в пути, и им предстояло лететь еще очень долго. Но судьбу одного из таких кораблей мы с Олегом сейчас наблюдали через камеры абордажного робота, пробирающегося по покореженным отсекам среди обломков оборудования и тел погибших джангров.

– Не повезло чешуйчатый... – уже почти год я не слышал таких ноток в голосе Олега. После уничтожения последних кораблей Роя у нас всех возникло ощущение, что смертельный кошмар закончился, и вот сейчас вернется прежняя жизнь. Кошмар действительно закончился, но прежняя жизнь так и не вернулась. И вот теперь оказалось, что та война все еще не хочет нас отпускать. Именно это я услышал в голосе сержанта. Мы снова сидели в командном посту боевого корабля. Для нас он больше не был списанным войсковым транспортом, используемым для мелкой полулегальной коммерции. Сами того не ожидая, мы снова оказались на фронте, опять столкнувшись со старым врагом. Мы снова победили... и опять проиграли.

Продравшись через очередной завал, Арнольд выбрался в зал впечатляющих размеров. Похоже, он находился в самой середине, на центральной оси корабля. Ни у меня, ни у Олега не возникло сомнений в назначении этого помещения.

– Криозал... – озвучил я нашу общую мысль.

– Коллективная гробница. Сколько же их здесь? – мрачно произнес Олег, оглядывая бесконечные ряды капсул низкотемпературного сна, – надо проверить хотя бы некоторые из них. Вдруг там предусмотрен автономный режим на случай аварийных ситуаций.

Мы подошли к ближайшему ряду капсул, и нам стало ясно, что живых мы здесь не найдем. Даже если конструкторы джангров и предусматривали возможность автономной работы оборудования, никакая криотехника не выдержит расстрела из автоматических пушек. Роботы Роя побывали здесь задолго до нас, и все осмотренные нами капсулы несли на себе следы их визита в виде рваных пробоин в корпусах и разбитых контрольных панелей.

Для очистки совести мы потратили еще час на проверку всего зала, но неповрежденных капсул так и не обнаружили.

– Пора уходить отсюда, ничего мы здесь не найдем, – в голосе Олега явственно звучало ожесточение, – давай поищем в других отсеках, может что полезное уцелело.

– Ты хочешь найти что-то ценное для нас на корабле джангров? – удивленно спросил я сержанта. – Ты что-то смыслишь в их технике?

– Их робот радиоэлектронной поддержки пытался помочь нам...

– Резонно. Хорошо, давай поищем.

Арнольд уже выбрался из криозала, когда в моей голове внезапно возникла мысль, заставившая меня остановить Олега, управлявшего абордажным роботом.

– Постой-ка, сержант. Не торопись. Можешь воспроизвести последние пять минут осмотра зала с капсулами?

– Не вопрос, – ответил Олег, включая запись и заинтересованно поглядывая на меня, – что-то заметил?

– Сейчас сам все увидишь, – ответил я, вглядываясь в изображение на экране, – стоп! Вот здесь. Ничего необычного не замечаешь?

– Ряд не заполнен до конца. Часть капсул отсутствует.

– Именно! Как думаешь, почему?